

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: УСТАНОВКИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.573

Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России

Ссылка для цитирования: *Гаврилюк Т. В.* Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 2. С. 28–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

For citation: Gavriluk, T. V. The construct of masculinity in the culture of modern Russia's new working class. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 28-44. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

**Гаврилюк
Татьяна Владимировна**

Тюменский индустриальный университет,
Тюмень, Россия

tv_gavrilyuk@mail.ru

Конструирование маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России

Аннотация. Статья¹ посвящена анализу конструкта маскулинности в культуре нового рабочего класса современной России. С опорой на интерсекциональную перспективу рассмотрены как практики производства его множественных форм в повседневном взаимодействии, так и устойчивые структуры социального неравенства, закрепляющие гендерный порядок на институциональном уровне. В статье произведён аналитический обзор актуальных зарубежных исследований режимов маскулинности рабочего класса в постиндустриальную эпоху. На основании эмпирического исследования молодёжи нового рабочего класса УрФО были выявлены наиболее общие структуры гендерного порядка в семейной сфере и на рабочем месте: нормативные социальные роли мужчины, стереотипы повседневного исполнения мужских гендерных ролей, гендерные ограничения и привилегии. Было установлено, что сохраняющаяся структурная диспропорция между секторами экономики в уровне оплаты труда и гендерном составе работников детерминирует трансляцию нормативной установки на воспроизводство паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами. Юноши из рабочего класса по-прежнему заинтересованы в сохранении и поддержании патриархальной модели распределения домашнего труда. При этом за женщинами закрепляются такие виды работы, которые требуют регулярного рутинного выполнения в строго определённое время, мужчины же ответственны за те виды домашнего труда, которые исполняются спорадически и могут быть отсрочены, что оставляет им больше времени для досуговой активности. В оценке значимости ритуалов повседневной коммуникации было выявлено значительно более выраженное стремление к сохранению традиционного паттерна гендерного взаимодействия у девушек по сравнению с молодыми людьми. Результаты исследования свидетельствуют о различии ожиданий молодых мужчин и женщин относительно гендерной нормативности повседневной коммуникации: бо́льшая часть юношей по-прежнему тяготеет к модели гегемонной маскулинности рабочего класса, в то время как девушки, поддерживая идею сохранения патриархального социального порядка, готовы к исполнению своей гендерной роли в нём при условии финансовой поддержки и защиты со стороны мужчин, косвенные же признаки гегемонной маскулинности не рассматриваются ими как релевантные.

Ключевые слова: рабочий класс, молодёжь рабочего класса, маскулинность, гендер, гендерный режим, гегемонная маскулинность

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодёжи нового рабочего класса современной России».

Исследования маскулинности как одно из направлений гендерной социологии концентрируются на повседневности рабочего класса в конце 1970-х гг., когда постиндустриальная трансформация разрушила традиционные основания мужского доминирования в данной социальной среде. Гендерные режимы российского рабочего класса редко становятся объектами исследовательского внимания, при этом отечественные социологи также указывают на кризис традиционной модели маскулинности, вызванный негативными последствиями деиндустриализации 1990-х и приведший к росту деструктивных телесных практик алкоголизации, наркотизации и физического насилия [Здравомыслова, Темкина 2002; Тартаковская 2002; Vanke 2014: 154]. Вместе с тем в актуальном дискурсе гендерных исследований редукционистские трактовки маскулинности рабочего класса подвергаются критике, акцент смещается на постулирование её множественных форм и практик воплощения в повседневности.

Дискуссия в данном проблемном поле разворачивается в рамках двух концептуальных направлений: дискурсивный конструктивистский подход, подчёркивающий текучую, процессуальную природу гендерных различий как производных повседневных практик в специфическом локальном контексте, и подход, заостряющий внимание на значении общепринятых категоризаций, таких как класс, гендер и этничность, для закрепления и воспроизводства структур социального неравенства в современных капиталистических обществах [McDowell 2004: 46]. Исходя из методологической установки нашего исследования, вторая позиция представляется более релевантной. В данной статье мы сконцентрируем внимание на формах воплощения маскулинности нового рабочего класса современной России, сохраняя устойчивое внимание как к культурному производству множественных форм мужественности (изменчивые, фрагментарные и зачастую противоречивые гендерные конструкты, воплощённые в повседневных дискурсах и практиках и ими же формируемые), так и к сохраняющемуся доминированию структур социального неравенства и подавления (относительно устойчивые гендерные порядки, воспроизводящиеся на институциональном уровне).

Актуализация исследования режимов маскулинности в последней трети XX в. была обусловлена изменением социальной позиции женщин в постиндустриальном обществе, проблематизировавшей доминирующий нормативный паттерн «мужчины-добытчика». В конце 1970-х гг. рабочий класс позиционировался в конвенциональном дискурсе о гендерных ролях в качестве носителя консервативной идеологии. Однако уже на рубеже 1980–90-х гг. эмпирические исследования показали, что гендерные установки мужчин данной социальной группы также подверглись изменениям и фрагментации [Segal 1990]. В тот период аргументы относительно определяющих маркеров конструкта мужественности рабочего класса концентрировались вокруг ручного труда, рабочего места и заработной платы [Connel 1991: 142]. Постановка проблемы маскулинности рабочего класса принадлежит британскому автору А. Толсону [Tolson 1977]. Среди ранних исследований данного вопроса

следует отметить работы М. Дональдсона, который на примере сравнительного анализа четырёх англоговорящих стран пришёл к выводу, что маскулинность в культуре рабочего класса формируется на пересечении двух решающих факторов – повседневных практик семьи-домохозяйства и рабочего места [Donaldson 1987]. В отдельных левоориентированных исследованиях рассматривалось, как повседневная маскулинная культура промышленных предприятий формирует и воспроизводит классовую субординацию [Willis 1979], конструирует и транслирует патриархальный порядок [Cockburn 1983] и отчуждённую сексуальность [Lippert 1977].

Научный дискурс проблемы маскулинности

Неолиберальный капитализм изменил условия, способ организации труда и микрополитики взаимодействий на рабочем месте. Потеряв надежду на стабильную занятость в промышленном секторе, мужчины вынуждены были перейти в сферу сервиса, утратив возможность воспроизводства привычной модели маскулинности, основанной на ценности физического труда, зарплате и подчинённом положении женщины в домохозяйстве. Труд на предприятиях розничной торговли и фаст-фуда требовал «сервиса с улыбкой», игнорирования грубого или пренебрежительного отношения клиентов, терпимости к постоянному наблюдению, покорности начальству, контроля над телесностью и сексуальностью, что противоречило представлениям о мужественности, сложившимся в рабочей среде [Nixon 2009]. Пытаясь дистанцироваться от рутинной работы в сервисном секторе, требующей так называемого «эмоционального труда» (“emotional labour”) и сервильности, мужчины отказывались от единственно доступного вида неквалифицированного труда или быстро покидали подобные рабочие места [Lindsay, McQuaid 2004; Roberts 2013]. Работодатели же предпочитали нанимать женщин, считывая поведенческие сигналы и внешние атрибуты маскулинности рабочего класса как потенциальную угрозу [McDowell 2004: 51]. Следовательно, постиндустриальная трансформация в странах Западной Европы и США поставила мужчин из данного социального класса в ещё более невыгодное положение, чем женщин, ввиду их гендерных установок, внешней атрибутики, отношения к власти и подчинению. Ответом стал рост насилия, ксенофобии и алкоголизации, игравших компенсаторную роль поддержки рушащейся модели мужественности. В свою очередь это обусловило моральные паники и демонизацию «белых мужчин рабочего класса» (“white working-class men”) в медиа и научном дискурсе, сохраняющиеся и усугубляющиеся в настоящее время.

Необходимость социологического внимания к указанным процессам и выработки действенных решений для социальной политики вызвала рост интереса к проблематике маскулинности и появление новых, более тонких аналитических моделей. Значимую роль в становлении современной аксиоматики этого исследовательского поля сыграли работы Р. В. Коннел. Проблематизировав устойчивые понятия «гендер-

ных ролей» и «идентичностей», автор рассматривает маскулинность как социально сконструированную и темпорально изменчивую форму жизненного проекта, перерабатывающую телесные различия мужчин и женщин в «гендер» как социальный процесс. Конструирование множественных моделей маскулинности как разновидностей гендера реализуется и может быть обнаружено в социальных практиках на разных уровнях: личностном, телесном, культурном или институциональном. В работах Р. В. Коннел обозначены и аргументированы различия между «гегемонной» маскулинностью, то есть социально доминирующей, но при этом не обязательно самой распространённой, и протестными, подчинёнными её формами, подвергающимися дискредитации или подавлению (гомосексуальная маскулинность) [Connell 1991].

Несмотря на признание научным сообществом, концепт «гегемонной маскулинности» подвергся критике за ограниченность и редукционизм [Whitehead 2002]. Исследователи подчёркивают, что кажущееся внутреннее единство данной модели на самом деле представляет собой совокупность противоречащих друг другу элементов [Demetriou 2001: 349]; кроме того, в каждый отдельный исторический период присутствует более чем одна версия доминирующей формы маскулинности [Anderson 2005]. Принимая во внимание критику, мы полагаем, что теория Р. В. Коннел сохраняет ценность в качестве исследовательского инструмента, так как включает в себя как анализ структурных отношений власти, так многообразных повседневных гендерных практик.

В актуальном дискурсе гендерных исследований отмечаются позитивные сдвиги в адаптации доминирующих форм маскулинности рабочего класса к требованиям сервисного сектора. Утверждается, что характер сервисного труда больше не представляет угрозы мужественности, «многие мужчины рабочего класса находят себя в таком труде», а успешная коммуникация с клиентом приносит чувство удовлетворённости работой [Lupton 2006: 117]. Вместе с тем длительно формировавшийся конструкт мужественности по-прежнему присутствует в сознании мужчин рабочего класса как эталонный образец, о чём свидетельствуют недавние исследования, фиксирующие практики избегания «служения» клиенту и сохраняющееся стремление к физическому труду на предприятиях ритейла [Roberts 2013: 675].

Методология и задачи исследования

В рамках грантового проекта РНФ №17-78-20062 «Жизненные стратегии молодёжи нового рабочего класса современной России» обоснована необходимость актуализации классового подхода в современной российской социологии, исследовано место нового рабочего класса в социальной структуре российского общества, проанализированы новейшие зарубежные подходы к его концептуализации. Выявлено, что в советской и постсоветской традиции было принято противопоставлять классовый и стратификационный подходы, так как первый ассоциировался исключительно с марксист-

мом. Это привело к подмене понятий в отечественной социологии: «средний класс» трактуется как страта, а «рабочий класс» заменяется эвфемизмами (например, «базовый слой» в работах Т. И. Заславской [Заславская 1997]). В современной российской социологии не поднимался вопрос о критериях, основных признаках рабочего класса, позволяющих провести чёткое различие между ним и другими социальными группами.

Под «новым рабочим классом» в рамках данного исследования понимается группа наёмных работников, не участвующих в управлении и не имеющих прав собственности в организации, в которой они трудятся, занятых во всех сферах материального производства и сервиса; их труд рутинизирован, разделён на стандартизированные сегменты, поддается алгоритмизации и количественному нормированию результатов. Критерии отделения нового рабочего класса от других классов и стратификационных групп – отношение к собственности, участие в управлении на конкретном предприятии, характер и содержание труда. Внутренняя дифференциация нового рабочего класса связана с влиянием таких факторов, как форма найма, обуславливающая степень стабильности трудоустройства; наличие или отсутствие социальных гарантий (от постоянной занятости до нелегального прекарного труда); сфера занятости (занятые по найму работники реального сектора экономики, включая товарное производство в сфере сельского хозяйства, и рабочие, занятые в сфере услуг); уровень доходов; степень рутинизации труда (от чётко регламентированного, стандартизированного до обладающего той или иной степенью свободы в принятии решений); стиль жизни и культурный капитал (от групп, чей стиль жизни и культурные практики близки среднему классу, до маргинализированных, социально исключённых групп).

В анализе конкретной проблемы, которой посвящена данная статья, мы отходим от бинарного противопоставления маскулинного и феминного, ориентируясь на теоретическое допущение о наличии множественных моделей гендера в современной культуре, в том числе и в рабочей среде. С помощью интерсекциональной оптики [Hancock 2007] интересующая нас социальная группа рассмотрена на пересечении трёх стратификационных признаков – социальный класс (представители нового рабочего класса), гендер (мужской и женский взгляд на маскулинный конструкт) и возраст (молодёжь трёх возрастных когорт). На эмпирическом уровне были проанализированы наиболее общие структуры гендерного порядка в семейной сфере и на рабочем месте: нормативные социальные роли мужчины, стереотипы повседневного исполнения мужских гендерных ролей, гендерные ограничения и привилегии.

Эмпирическим объектом исследования выступила молодёжь нового рабочего класса в возрасте от 16 до 29 лет. Данные получены в результате проведения массового опроса 1534 респондентов, проживающих в Свердловской, Тюменской и Курганской областях УрФО. Выборочная совокупность носила целевой характер и базировалась на следующих критериях: возраст (когорты 16–19, 20–24 и 25–29 лет в соответствии с официальными статистическими стандартами), гендер (мужской/жен-

ский), место жительства (город/село), сфера занятости (промышленность/сервис). Опрос проводился на рабочих местах, поэтому в выборку вошла только официально занятая часть рабочего класса.

Социальные позиции, основанные на гендерных различиях

Эмпирические данные свидетельствуют о сохранении таких значимых маркеров традиционного гендерного порядка в культуре нового рабочего класса, как возможность мужчины обеспечивать семью, быть инициатором романтических отношений и играть традиционную роль романтического «ухаживания» за девушкой. Остальные параметры, связанные как с конструированием гендера в пространстве повседневных практик, так и с институциональными ограничениями, были оценены респондентами не столь однозначно.

Сохраняющееся противоречие между структурой патриархального общества и карьерными намерениями женщин очевидно в анализе отношения молодёжи нового рабочего класса к двум взаимоисключающим утверждениям. Абсолютное большинство респондентов (согласны 93,6%, уверенное согласие демонстрируют 59,9%) полагают, что *«мужчина должен зарабатывать больше, чем женщина, чтобы иметь возможность обеспечивать семью»*, но при этом с тем, что *«в нашем обществе доминируют мужчины, у женщины меньше шансов сделать карьеру»*, полностью согласны лишь 27,3%, ещё 30,6% опрошенных выражают сомнение. Из этого следует, что молодёжь не в полной мере осознаёт связь между поддерживаемым ими патриархальным порядком на рабочем месте (более высокие доходы мужчин предполагают скорейшее продвижение по службе и лучшие позиции в организационной иерархии) и проблемой «стеклянного потолка»¹ в женской карьере.

Гендерных различий среди несогласных с необходимостью финансового доминирования мужчин обнаружено не было. Более того, девушки нового рабочего класса в большей степени уверены в необходимости поддержания и воспроизводства этой ключевой основы патриархата (полностью согласны с утверждением о роли мужчины как «добытчика» 63,3% женщин и 56,5% мужчин). С возрастом подобная уверенность закрепляется: чуть менее 30% опрошенных в возрастных группах 15–19 лет и 20–24 года полностью согласны с высказыванием, в группе респондентов 25–29 лет уверенность возрастает до 42,5%. Наиболее силён нормативный паттерн мужчины-добытчика у молодёжи, проживающей в сельских местностях (его поддерживают 95% респондентов, из них 66,1% полностью разделяют установку, заложенную в высказывании, в то время как среди городской рабочей молодёжи абсолютную солидарность с суждением демонстрируют 58%).

¹ «Стеклянный потолок» — термин американского менеджмента, введённый в начале 1980-х гг. для описания невидимого барьера, ограничивающего продвижение по служебной лестнице.

Рис 1. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы со следующими утверждениями?», % по массиву опрошенных

Diagram 1. Distribution of answers to a question:

Whether “You agree with the following statements?”, %, the whole respondents

В оценке утверждения о мужском доминировании в обществе и низких шансах женщины на карьерное продвижение существенных различий по гендеру, месту жительства и сфере занятости выявлено не было. Однако уверенность молодёжи в неизбежности патриархального порядка возрастает по мере взросления (41,6% в старшей возрастной группе полностью согласны с высказыванием, в то время как в младшей группе таких лишь 23,5%, в средней когорте от 20 до 24 лет (период профессионализации и начала карьеры) уровень уверенного согласия снижается до 16,4%).

Обозначенные выше позиции респондентов имеют структурные основания, что подтверждается данными об уровне их реальных доходов. Рис. 2 демонстрирует значительный гендерный разрыв в оплате труда на рабочих должностях (а не только на конкурентных и привлекательных позициях руководителей и высококвалифицированных специалистов, как принято полагать).

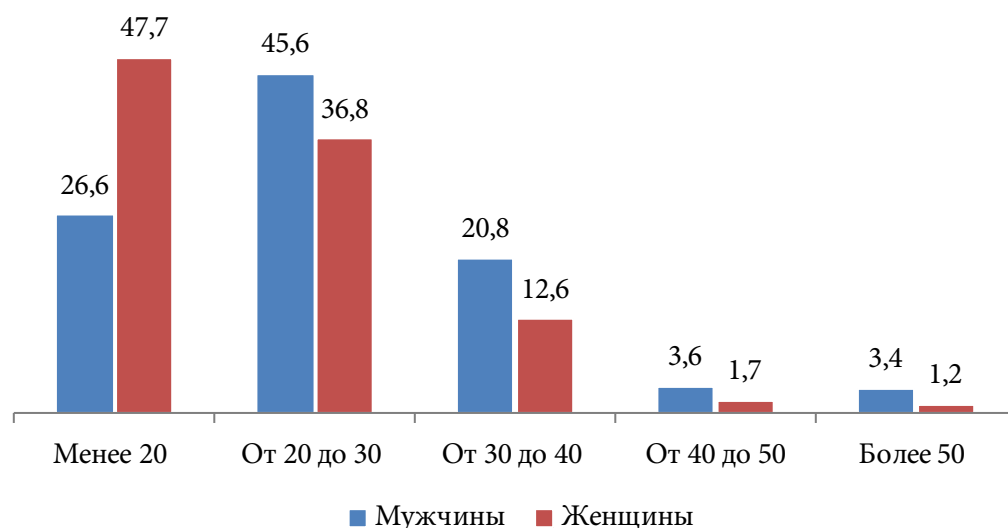

Рис. 2. Уровень реальных доходов молодёжи нового рабочего класса, % от гендерной группы

Diagram 2. Level of real income of youth of new working class, in % of gender group

При этом гендерное распределение работников в секторах промышленности и сервиса колеблется вокруг значения 70/30 (см. рис. 3).

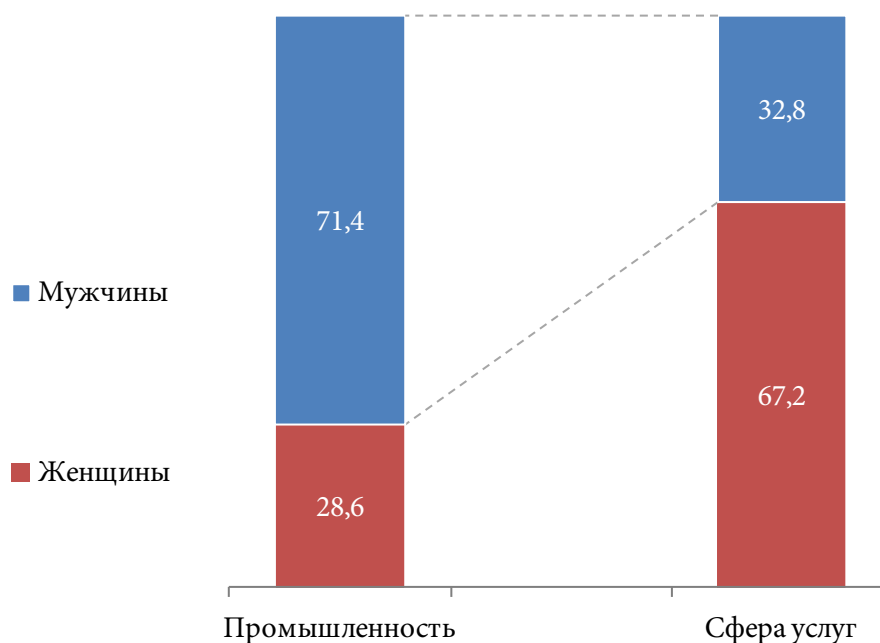

Рис. 3. Гендерное распределение молодых рабочих в сфере промышленности и сервисной сфере, % от количества респондентов, занятых в данной сфере

Diagram 3. Gender distribution of young workers in the sphere of industry and in service sphere, in % of the number of the respondents occupied in this sphere

Сохраняющаяся структурная диспропорция между секторами экономики в уровне оплаты труда и гендерном составе работников (46,2% занятых в сфере услуг имеют заработную плату ниже 20 тыс. руб. и ещё 37,8% – ниже 30 тыс. руб., большинство из них – женщины) детерминирует трансляцию нормативной установки на воспроизводство паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами. Следовательно, при одинаковом классовом статусе мужчины и женщины, занятые рутинным трудом, по-прежнему обладают далеко не равными финансовыми возможностями. При этом эссенциалистская вера в естественное гендерное неравенство на основании интеллектуального превосходства мужчин над женщинами присутствует лишь у 14,6% респондентов. Менее половины (43,8%) полагают, что мужчины и женщины обладают равными интеллектуальными способностями и примерно такое же количество (41,7%) не решились однозначно оценить своё отношение к данному вопросу.

Гендерные отношения в семье

Анализ отношения молодёжи к вопросам повседневного мужского доминирования в семейной сфере фокусируется на оценке обязательного компонента традиционной патриархальной семьи – домашнего женского труда. Исследования ряда западных авторов свидетельствуют о том, что в настоящее время происходит становление новой формы мужественности как эмоциональной чувствительности и вовлечённости, уважения к женщине, эгалитарной позиции относительно семейных ролей. Ключевым параметром становится участие мужчины в домашней работе и заботе о детях [Gill 2003]. Тем не менее, несмотря на неприятие большинством населения западных стран патриархальной модели семьи и почти повсеместно равноценном участии женщин на рынке труда, исследования показывают, что большая часть домашней работы по-прежнему остаётся на женщинах [Thébaud 2010]. За женщинами, как правило, закрепляются те виды работ, которые требуют регулярного рутинного выполнения в строго определённое время, исключаяющие возможность их переноса во времени (например, приготовление пищи) [Coltrane, Shih 2010]. Мужчины же, напротив, ответственны за те виды домашнего труда, которые исполняются спорадически и могут быть отсрочены (например, мелкий ремонт), что оставляет им больше времени для досуговой активности [Craig 2006]. Российские авторы также отмечают большой гендерный дисбаланс в установках мужчин-рабочих относительно семейных обязанностей по сравнению с представителями среднего класса [Мещеркина 2002; Lipasova 2017]. Так, в исследовании А. Липасовой отмечается, что убеждения о желательных гендерных ролях в рабочих семьях часто не соответствуют реальной ситуации. Интервьюированные автором мужчины декларировали модель «защитника» и «кормильца» в качестве нормативной, но в реальности главы

семей далеко не всегда соответствовали этим идеальным типам, проявляя безответственность, в то время как их жёнам приходилось работать в «двойную смену» [Lipsova 2017].

Среди участников нашего опроса проявляется значительная дифференциация взглядов (см. таблицу 1). Результаты исследования показывают, что молодые люди по-прежнему заинтересованы в сохранении и поддержании патриархальной модели распределения домашнего труда. Также в большей степени склонны соглашаться с утверждением об уборке и приготовлении пищи как «женских обязанностях» представители старшей возрастной группы, уже имеющие опыт брака или сожительства. Разницы между сельской и городской молодёжью в оценке данного вопроса выявлено не было.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос о согласии с утверждением,
что «Домашнее хозяйство, уборка, приготовление пищи – женское дело»,
% по группам респондентов

Distribution of answers to a question of consent with a statement that “A household, cleaning, cooking – women stuff”, in % on groups of respondents

Группы молодёжи НРК	Согласен	Частично согласен	Не согласен	Итого
По гендерным группам				
Мужчины	41,1	41,5	17,4	100,0
Женщины	24,4	48,5	27,1	100,0
По возрастным группам, лет				
15–19	27,3	48,1	24,6	100,0
20–24	28,5	46,9	24,6	100,0
25–29	42,5	40,0	17,5	100,0
Группы респондентов по территории проживания				
Город	32,7	44,6	22,7	100,0
Село	33,3	46,1	20,6	100,0
В целом по массиву опрошенных	32,9	45,0	22,1	100,0

Конструкты маскулинности

Далее обратим внимание на конструкты маскулинности в сфере повседневных взаимодействий, воплощённые в установках молодёжи нового рабочего класса.

Как показывает таблица 2, противоречивые ожидания девушек наблюдаются не только в изложенном выше анализе дилеммы женской профессиональной самореализации и приверженности модели «мужчины-добытчика» в семье, но также и в оценке значимости ритуалов повседневной коммуникации. Значительно более выраженное стремле-

ние к традиционному паттерну гендерного взаимодействия у девушек по сравнению с молодыми людьми проявляется в оценке высказывания «Мужчина должен ухаживать за девушкой, делать первый шаг, добиваться внимания»: почти 70% из них ожидают от мужчины традиционного «ухаживания» и настойчивого внимания, среди юношей же готовы к подобным действиям около половины.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос о согласии с утверждением, что «Мужчина должен ухаживать за девушкой, делать первый шаг, добиваться внимания», % по группам респондентов

Distribution of answers to a question of consent with a statement that "The man has to take the first step trying to obtain girl's attention", in % on groups of respondents

Группы молодёжи НРК	Согласен	Частично согласен	Не согласен	Итого
По гендерным группам				
Мужчины	53,0	39,9	7,1	100,0
Женщины	69,1	25,8	5,1	100,0
По возрастным группам, лет				
15–19	58,5	33,7	7,8	100,0
20–24	57,4	37,2	5,4	100,0
25–29	67,0	27,9	5,1	100,0
Группы респондентов по территории проживания				
Город	59,4	33,6	7,0	100,0
Село	66,2	30,7	3,1	100,0
В целом по массиву опрошенных	61,0	32,9	6,1	100,0

Гендерная нормативность повседневных практик выявлялась также путём анализа отношения респондентов к ряду оценочных высказываний, представляющих собой стереотипы о гегемонной маскулинности в данной социальной среде: бытовое насилие (драка как распространённая и «нормальная» практика разрешения конфликтных ситуаций между мужчинами) и опасения относительно излишней заботы о внешности («мужик» не должен уделять ей слишком много внимания, так как это является косвенным маркером гомосексуальной ориентации). Результаты опроса свидетельствуют о том, что девушки в целом не склонны к нормализации насилия в мужской среде: 60% из них не согласны с суждением «Драка – нормальный способ выяснения отношений между мужчинами» (в то время как среди мужчин не поддерживают высказывание лишь чуть более 30%). Около четверти респондентов мужского пола уверены, что насилие в мужской среде неизбежно и нормально; более 40% «частично согласны», апеллируя, по всей видимости, к необходимости принимать во внимание контекст конкретной конфликтной ситуации.

Мнения респондентов относительно внешности мужчины разделились. Полностью согласны с высказыванием «Мужчина не должен прилагать много усилий в уходе за своей внешностью» около 20% респондентов обоих полов, юноши чаще выбирали альтернативу «частично согласен» (52%), девушки – «не согласна» (39,9%) и «частично согласна» (38,6%). В целом сохраняется традиционный для российского рабочего класса паттерн: женщины хотели бы, чтобы их партнёры инвестировали больше материальных и временных ресурсов в уход за собой, однако молодые люди по-прежнему не уверены, сочетается ли повышенное внимание к внешности с доминирующим в рабочей среде конструктом маскулинности (за исключением таких практик, как посещение тренажёрного зала с целью наращивания мышечной массы, тату-салонов). Интересно, что менее всего поддерживает данное суждение самая мобильная возрастная группа молодёжи от 20 до 24 лет (лишь 13,3%), в то время как среди группы молодых взрослых от 25 до 29 лет согласных с высказыванием уже более 30%.

Заключение

Таким образом, анализ количественных данных демонстрирует, что консерватизм и патриархальные семейные установки, которые приписывают рабочему классу в массовой культуре, оставаясь доминирующей референтной моделью семьи, тем не менее не находят однозначной поддержки абсолютного большинства опрошенной молодёжи и имеют мало общего с реальной ситуацией в рабочих семьях. Ввиду крайне низкого дохода, классическая патриархальная модель семьи (мужчина – добытчик, жена – домохозяйка) является скорее идеально-типической конструкцией, в российских реалиях доступной только представителям среднего класса. При одинаковом классовом статусе мужчины и женщины рабочего класса, занятые рутинным трудом, по-прежнему обладают далеко не равными финансовыми возможностями: оплата труда в сервисном секторе, где большую часть сотрудников составляют женщины, по-прежнему гораздо ниже, чем в сфере промышленности, добычи ископаемых и строительства. Следовательно, экономические факторы закрепляют условия для воспроизводства практик структурного доминирования мужчин в семейной сфере, обуславливая сохранение позитивной нормативной установки на сохранение паттерна мужчины-добытчика, обладающего властью в семье на основании контроля над экономическими ресурсами. Следовательно, высказывание одного из первых исследователей маскулинности рабочего класса А. Толсона, относящееся к концу 1970-х гг., не потеряло актуальности и по-прежнему отражается в коллективных установках рабочей молодёжи: «В нашем обществе основной критерий мужественности – это зарплата» [Tolson 1977: 58].

Реализация маскулинной модели поведения в повседневных практиках оценивается респондентами неоднозначно. В опросе были выявлены наиболее общие тренды, однако данная проблема требует более

глубокого анализа с использованием качественных методов. Стремление девушек к традиционному паттерну романтического «ухаживания» не в полной мере соответствует доминирующей среди юношей рабочего класса модели мужественности. Почти 40% девушек рабочего класса не видят противоречия между маскулинностью и заботой о внешности, однако большая часть молодых людей по-прежнему испытывает сомнения, считая повышенное внимание к внешнему виду угрозой собственной мужественности. Также большинство девушек не склонно к нормализации насилия как составляющей конструкта мужественности, в то время как две трети мужчин считают драку нормальным способом разрешения конфликтов. В связи с этим можно говорить о тенденции к различию ожиданий молодых мужчин и женщин в сфере повседневного поведения и коммуникации: большая часть юношей по-прежнему тяготеют к гегемонной для рабочего класса модели маскулинности (ручной труд, физическая сила, брутальный внешний вид, демонстративное неподчинение власти, доминирование над женщиной), в то время как девушки, признавая в целом патриархальный порядок и осознавая свою позицию в нём, готовы к исполнению своей гендерной роли при условии наличия финансовой поддержки и защиты со стороны мужчин; указанные же косвенные признаки не являются в их представлениях показателями мужественности.

Библиографический список

Заславская Т. И. 1997. Социальная структура современного российского общества // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 5–23.

Здравомыслова Е., Темкина А. 2002. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // *О муже(N)ственности*. Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение. С. 432–452.

Мещеркина Е. Ю. 2002. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // *О муже(N)ственности*. Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение. С. 268–288.

Тартаковская И. Н. 2002. Мужчины на рынке труда // *Социологический журнал*. № 3. С. 112–125.

Anderson E. 2005. Orthodox and inclusive masculinity: Competing masculinities among heterosexual men in a feminized terrain // *Sociological Perspectives*. № 48. P. 337–355.

Cockburn C. 1983. *Brothers: Male dominance and technological change*. L.: Pluto Press. 264 p.

Coltrane S., Shih K. Y. 2010. Gender and the division of labour // *Handbook of Gender Research in Psychology*. Ed. by Chrisler J. C. and McCreary D. R. Vol. 2. *Gender Research in Social and Applied Psychology*, Springer. P. 401–422.

Connell R. W. 1991. Live fast and die young: The construction of masculinity among young working-class men on the margin of the labour market // *Journal of Sociology*. № 27. P. 141–171.

Craig L. 2006. Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children // *Gender & Society*. № 20 (2). P. 259–281.

Demetriou D. 2001. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory & Society*. № 30. P. 337–361.

Donaldson M. 1987. Labouring men: love, sex and strife // *Australian and New Zealand Journal of Sociology*. № 23 (3). P. 165–184.

Gill R. 2003. Power and the production of subjects: A genealogy of the new man and the new lad // *Masculinity and Men's Lifestyle Magazines*. Ed. by B. Benwell. Oxford: Blackwell. P. 34–56.

Hancock A. M. 2007. When multiplication doesn't equal quick addition: Examining intersectionality as a research paradigm // *Perspectives on Politics*. № 5 (1). P. 65–79.

Lindsay C., McQuaid R. W. 2004. Avoiding the "McJobs": Unemployed job seekers and attitudes to service work // *Work Employment and Society*. № 18 (2). P. 297–319.

Lipasova A. 2017. Fatherhood in the Russian provinces: A theoretical and empirical analysis // *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. № 4. P. 629–642.

Lippert J. 1977. Sexuality as Consumption // *For Men Against Sexism*. Ed. by J. Snodgrass. Albion: Times Change Press. P. 207–213.

Lupton R. 2006. Explaining men's entry into female-concentrated occupations: Issues of masculinity and social class // *Gender, Work & Organization*. № 13 (2). P. 108–28.

McDowell L. 2004. Masculinity, identity and labour market change: Some reflections on the implications of thinking relationally about difference and the politics of inclusion // *Geografiska Annaler. Ser. B. Human Geography*. Vol. 86. № 1. Special Issue: The Political Challenge of Relational Space. P. 45–56.

Nixon D. 2009. "I can't put a smiley face on": Working-class masculinity, emotional labour and service work in the "new economy" // *Gender, Work & Organization*. № 16 (3). P. 300–322.

Roberts S. 2013. Boys Will Be Boys ... Won't They? Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities // *Sociology*. № 47 (4). P. 671–686.

Segal L. 1990. Slow motion: Changing masculinities, changing men. L.: Virago. 396 p.

Thébaud S. 2010. Masculinity, bargaining, and breadwinning // *Gender & Society*. № 24 (3). P. 330–354.

Tolson A. 1977. *The Limits of Masculinity*. L.: Tavistock. 158 p.

Vanke A. 2014. The corporeality of working-class men in labour regimes and the private sphere. Summary. *Laboratorium*. № 6 (1) P. 154–158.

Willis P. 1979. Shop floor culture, masculinity and the wage form // *Working Class Culture*. Ed. by J. Clarke, C. Critcher, R. Johnson. L.: Hutchinson. P. 185–198.

Whitehead S. 2002. Men and masculinities: Key themes and new directions. Cambridge: Polity. 288 p.

DOI: 10.19181/vis.2019.29.2.574

The Construct of Masculinity in the Culture of Modern Russia's New Working Class

Tatiana V. Gavriluk

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia. E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

For citation: Gavriluk, T. V. The construct of masculinity in the culture of modern Russia's new working class. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 28–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.19181/vis.2019.29.2.573>

Abstract. This article is dedicated to analyzing the construct of masculinity in the culture of modern Russia's new working class. While leaning on an intersectional perspective, it considers practices of producing its plural forms in everyday interaction, as well as persistent structures of social inequality which secure gender order on an institutional level. The article conducts an analytical overview of relevant foreign studies on the working class' modes of masculinity in the postindustrial era. An empirical study of young representatives of the new working class residing in the Ural federal district helped determine the most common structures of gender order in domestic life and in the workspace: standard male social roles, stereotypical everyday fulfillment of male gender roles, gender restrictions and privileges. It has been revealed that a persistent structural disproportion between various sectors of the economy, when it comes to wages and the gender composition of the workforce, determines the transmission of the standard tendency for reproducing the pattern of a "man-provider", who possesses power in the family based on his control over economic resources. Young working class individuals are still interested in preserving and supporting a patriarchal model of distributing household labor. While women are assigned types of activity which require routine execution at a strictly defined time, men assume chores which can be done sporadically, and can be postponed, which provides them with more leisure time. While evaluating the importance of everyday communication rituals, it was established that young women seek to preserve a traditional pattern of gender interaction more so than young men. The results of the study show a distinction between the expectations of young men and women when it comes to standard everyday gender communication: for the most part, young men still lean towards a model of hegemonic masculinity within the working class, while young women, who support the idea of preserving a patriarchic social order, are prepared to assume their gender role within it provided that they receive financial support and protection on behalf of their men. Indirect signs of hegemonic masculinity are not considered by them to be relevant.

Keywords: working class, working-class youth, masculinity, gender, gender regime, hegemonic masculinity.

References

Anderson E. Orthodox and inclusive masculinity: Competing masculinities among heterosexual men in a feminized terrain. *Sociological Perspectives*, 2005; 48:337–355.

Cockburn C. *Brothers: Male dominance and technological change*. London, Pluto Press: 1983. 264 p.

Coltrane S., Shih K.Y. Gender and the division of labour. In: *Handbook of Gender Research in Psychology*. Vol. 2: Gender Research in Social and Applied Psychology. Ed. by J. C. Chrisler and D.R. McCreary. Springer: 2010: 401–422.

Connell R. W. Live fast and die young: The construction of masculinity among young working-class men on the margin of the labour market. *Journal of Sociology*. 1991; 27:141–171.

- Craig L. Does father care mean fathers share? A comparison of how mothers and fathers in intact families spend time with children. *Gender & Society*. 2006; 20(2):259–281.
- Demetriou D. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique. *Theory & Society*. 2001; 30:337–361.
- Donaldson M. Labouring men: love, sex and strife. *Australian and New Zealand Journal of Sociology*. 1987; 23(3):165–184.
- Gill R. Power and the production of subjects: A genealogy of the new man and the new lad. In: *Masculinity and Men's Lifestyle Magazines*. Ed. by B. Benwell. Oxford (UK): Blackwell, 2003:34–56.
- Hancock A. M. When multiplication doesn't equal quick addition: Examining intersectionality as a research paradigm. *Perspectives on Politics*. 2007; 5(1):65–79.
- Lindsay C., McQuaid R. W. Avoiding the "McJobs": Unemployed job seekers and attitudes to service work. *Work Employment and Society*. 2004; 18(2):297–319.
- Lipasova A. Fatherhood in the Russian provinces: a theoretical and empirical analysis. *The Journal of Social Policy Studies*. 2017;15(4):629–642.
- Lippert J. Sexuality as Consumption. In: *For Men Against Sexism*. Ed. by J. Snodgrass. Albion: Times Change Press, 1977:207–213.
- Lupton R. Explaining men's entry into female-concentrated occupations: Issues of masculinity and social class. *Gender, Work & Organization*. 2006; 13(2):108–128.
- McDowell L. Masculinity, identity and labour market change: Some reflections on the implications of thinking relationally about difference and the politics of inclusion. *Geografiska Annaler, Ser. B Human Geography*. 2004; 86(1):5–56.
- Meshcherkina E. Y. The existence of male consciousness: the experience of reconstructing the masculine identity of the middle and working class. In: *O muzhe(n)stvennosti = On Mascul(Femn)ity*. Ed. S. Ushakin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002:268–288 (In Russ.).
- Nixon D. "I can't put a smiley face on": Working-class masculinity, emotional labour and service work in the "new economy". *Gender, Work & Organization*. 2009; 16 (3):300–322.
- Roberts S. Boys Will Be Boys ... Won't They? In: *Change and Continuities in Contemporary Young Working-class Masculinities*. *Sociology*. 2013; 47(4):671–686.
- Segal L. *Slow motion: Changing masculinities, changing men*. London, Virago, 1990. 396 p.
- Tartakovskaya I.N. Men in the labour market. *Sociologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2002; 3:112–125 (In Russ.).
- Thébaud S. Masculinity, bargaining, and breadwinning. *Gender & Society*. 2010; 24(3):330–354.
- Tolson A. *The Limits of Masculinity*, London: Tavistock, 1977. 158 p.
- Vanke A. The corporeality of working-class men in labour regimes and the private sphere. Summary. *Laboratorium*. 2014; 6(1):154–158.
- Whitehead S. *Men and masculinities: Key themes and new directions*. Cambridge: Polity, 2002. 288 p.
- Willis P. Shop floor culture, masculinity and the wage form. *Working Class Culture*. Ed. by J. Clarke, C. Critcher and R. Johnson. London: Hutchinson, 1979:185–198.
- Zaslavskaya T. I. The social structure of modern Russian society. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1997:5–23 (In Russ.).
- Zdravomyslova E., Temkina A. The crisis of masculinity in the late Soviet discourse. In: *O muzhe(n)stvennosti = On Mascul(Femn)ity*. Ed. S. Ushakin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002:432–452 (In Russ.).